

АРХЕОЛОГИЯ ГОРОДА МАЙКЛА СМИТА¹

Н.Н. Крадин

Майкл Смит — профессор университета Аризоны, авторитетный специалист в области изучения древних городов Мезоамерики, один из самых видных теоретиков археологии урбанизма. Его последняя книга обобщает многолетние полевые и компаративные исследования, а также теоретические размышления автора. Она имеет настолько важное значение, что для изложения наиболее значимых идей автора недостаточно обычной рецензии. Необходим более развёрнутый анализ.

Сразу следует сказать о методологических предпочтениях М. Смита. Он определяет свой метод как «научный реализм», противопоставляя его социальному конструктивизму (в археологии — постпроцессуализму), отрицающему возможности научных исследований объективной социальной деятельности. Он исходит из того, что наука — это способ получения и объяснения знаний о природном и социальном мире. Научные гипотезы должны быть проверяемыми. Большую помощь археологу в понимании древних городов, полагает автор, могут дать объяснительные теории из других наук — географии, экономики, социологии, урбанистики. С другой стороны, Смит считает, что и археология имеет немаловажное значение для данных наук, поскольку она изучает долговременные процессы, чего не хватает наукам о современном обществе (с. 27–29).

Автором также выбраны 29 тематических примеров (key studies) крупных поселений и городов, которые им использованы в книге в разных разделах. Это своего рода микросоциологическая выборка. С одной стороны, она дисциплинирует мысль автора, заставляя в многочисленных таблицах следовать выбранными примерами,

Крадин Николай Николаевич, академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Kradin Nikolay Nikolayevich, Member of RAS, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

E-mail: kradin@ihaefe.ru

¹ Smith M. *Urban Life in the Distant Past: The Prehistory of Energized Crowding*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. XIII, 318 p.

а не подбирать только понравившиеся факты. С другой стороны, это как раз подтверждение того, что автор следует избранному им методу «научного реализма», отличному от не имеющего границ постмодернистского дискурса.

Книга состоит из восьми глав и двух приложений (в Приложении А — ссылки на сведения о численности населения и коммерциализации 29 избранных примеров; в приложении Б — дополнительная информация по кодировке для табл. 4.1. «Масштаб управления избранных доиндустриальных городов»). Первая глава книги вводная. Смит начинает своё повествование с того, что города в доиндустриальных обществах (он использует термин *пре-модерн*) демонстрировали гораздо больше изменчивости, чем современные города (с. 4). В главе определены цели и задачи, сжато описывается структура книги (так принято в англоязычной литературе), разобраны такие важные термины, как *город* и *урбанизм*.

Возможно, первое разочарование, с которым столкнётся читатель, это тезис Смита, что «нет никакого „лучшего“ определения урбанизма» (с. 5). Для многих из археологов это ключевой вопрос, и они наверняка откроют книгу в поисках подобной дефиниции. Автор выступает против абсолютизации понятия «город». Смит полагает, что деятельность в крупных поселениях комплексных обществ происходит во взаимодействии индивидов разного статуса, а также в каждодневных практиках групп — от домохозяйств к более широким общественным сетям. Социальные взаимодействия создают энергичную скученность (*energized crowding*), которая представляет собой фундаментальную первопричину всех изменений в городской жизни (с. 6). В какой-то степени его определение восходит к дефиниции Э. Глейзера, который характеризует признаки города как «близость, плотность, стесненность» (“They are proximity, density, and closeness”) (Glaeser 2011: 6).

Смит выделяет такие значимые для города переменные, как размер, отличный от сельских поселений, иные функциональные характеристики (рынки, магазины, специалисты неаграрного сектора и др.), архитектуру (и, конечно, монументальность), планиграфию (стр. 8—9).

Как известно, нет универсальных критериев, которые отличали бы город от негородских поселений (Cowgill 2004: 526). Смит пишет о двух различных подходах к дефиниции «города». Первое восходит к трудам классика социологии города Л. Вирта, согласно которому «город может быть определён как относительно большое, плотное и постоянное поселение гетерогенного сообщества индивидов» (Wirth 1938: 8). Это определение, как подчёркивает Смит (стр. 11), не работает применительно к Тикалю (маяя) или Ангкору

(Камбоджа). Сюда следовало бы добавить города в кочевых империях Внутренней Азии. Второе определение функциональное, оно предполагает, что город отличается набором особых специализированных функций. Вероятно, отчасти, поэтому многие археологи выступают за функциональное определение. Можно напомнить в этой связи о дискуссии в позднесоветской археологии и предложении О.Г. Большакова и В.А. Якобсона считать главной функцией города перераспределительные функции. М. Смит пишет, что сам в ранних публикациях защищал определение Вирта, а потом под влиянием моделей, заимствованных из географии (теория центральных мест В. Кристаллера), стал с энтузиазмом отстаивать функциональный подход (с. 12).

Он предостерегает коллег от стремления назвать каждое крупное поселение городом. Часто исследователи подсознательно руководствуются стремлением поднять значимость изучаемого объекта, наделяя раскапываемые памятники этим статусом. Однако фокусом анализа должен быть памятник как таковой, поселение в широком смысле слова, а окажется он городом или нет, станет ясно по мере исследования.

В качестве типичных ошибочных примеров Смит указывает на Чатал-Хююк и поселения трипольской культуры (с. 7). Чатал-Хююк стали называть первым городом с лёгкой руки Дж. Мелларта. Изучавший его в последние десятилетия Я. Ходдер подчёркивает, что, несмотря на высокую плотность населения (примерно 200 чел./га), здесь не были обнаружены административные здания, общественные пространства, какие-либо специализированные территории со следами ремесленной деятельности (с. 23). За трипольские памятники как пример появления городов до цивилизации активно ратовали Д. Гребер и Д. Венгроу/Уэнгроу (Wengrow 2015; Graeber, Wengrow 2021). М. Смит написал жёсткую рецензию на их объёмную монографию «Заря всего» применительно как раз к вопросам урбанизации (Smith 2022), не обнаружив, кроме больших размеров и плотности, никаких других признаков города. Следовательно, и в первом, и во втором случае целесообразно говорить о крупных неолитических деревнях с большим числом домов и компактной застройкой, что внешне напоминало городские поселения.

Ещё один важный, не вписывающийся в классические каноны пример — это майя. Тикаль изначально виделся археологам скоплением храмов без следов обитания больших масс людей. Согласно Г. Вилли, это была «цивилизация без городов». У. Сандерс и Б. Прайс также полагали, что это не города. И только специальный археологический проект позволил обнаружить на большой площади в 16 кв. км вне храмов множество конструкций — платформы зданий различных размеров. Так или иначе, Тикаль был слишком «пуст» для классиче-

ского города. Его плотность была примерно 5—10 чел./га. Для сравнения плотность населения Теотиуакана составляла около 50 чел./га, что соответствовало определению города Л. Вирта (стр. 14—15). Оба эти города вписываются в популярную сейчас концепцию «урбанизма малой плотности» Р. Флетчера.

Далее М. Смит предлагает свою схему археологических признаков, характерных для урбанизации, на примере ацтекских поселений разного ранга (с. 17, табл. 1.1.). Она уже была им предложена в более ранних работах (Smith 2016: 159; см. также: Крадин 2019). Смит исходит из того, что универсальной типологии нет, как нет и определяющего критерия города. Есть только те или иные археологические признаки, которые можно найти в процессе изучения археологических памятников. Сравнительный анализ позволяет лучше понять динамику урбанизационных процессов в каждом конкретном случае. Для понимания авторской концепции приведём полностью табл. 1.1. из книги с небольшими уточнениями.

Смит предлагает археологам воспользоваться его подходом, чтобы составить подобные таблицы для изучаемых обществ, включив туда разные типы поселений от небольших деревень до самых крупных. Сравнительный анализ позволит выявить наиболее значимые археологические признаки, а также даст возможность лучше понять динамику урбанизационных процессов (с. 19).

Во второй главе кратко рассмотрены формы поселений до появления городов, начиная с охотников-собирателей. Именно здесь М. Смит обращается к ключевому понятию своей концепции *энергичная скученность*. Он понимает скученность (crowding) как процесс, в котором осуществляется большое количество социальных взаимодействий между индивидами лицом к лицу. Интенсивность подобных контактов служит своеобразным триггером и приводит к разным как положительным, так и отрицательным социально-экономическим последствиям. Охотники и собиратели периодически собирались вместе, но у них не было кумулятивного эффекта. Для последнего требуется постоянное взаимодействие в условиях стеснённости и в течение длительных периодов времени. Иными словами, подводит итог Смит, скученность рождает новые формы коммуникаций (с. 35). Как следствие, города не только порождали чудеса креативности, примерами которых могут быть уличные диспуты Сократа и других афинских мыслителей, но и более важные формы коммуникаций, связанные с координацией совместных дел/коммуникаций и самоуправлением (с. 36).

Большое внимание уделено в главе таким вопросам, как: соотносятся ли между собой оседлость и производящее хозяйство и можно ли считать городами очень большие поселения? По первому Смит

Табл. 1.1. Городские атрибуты ацтекских поселений разного размера

Признак	Тип переменной	Капилько (деревня)	Куэшкомаге (городок)	Йаутепек (столица государства)	Теночтитлан (столица империи)
Размер поселения					
население	M	100	800	13,000	210,000
площадь (га)	M	1	15	210	1,350
плотность населения (чел/га)	M	100	50	60	155
Городские функции		2	3	10	15
дворец правителя	P/A	—	—	x	x
погребения элиты	P/A	—	—	—	x
большие храмы	P/A	—	—	x	x
гражд. архитектура	S	—	1	2	3
ремесл. пр-во	S	1	1	2	3
рынки и магазины	S	L	1	2	3
Искусственная среда		0	8	9	10
объединяющая инфраструктура	P/A	—	—	L	x
храмы среднего размера	P/A	—	x	x	x
резиденции элиты	P/A	—	x	x	x
публичные места	P/A	—	x	x	x
планировка центральной части	P/A	—	x	x	x
Соц.-экон. отношения		2	6	8	10
погребения элиты	P/A	—	—	L	L
социальное разнообразие (неклассовое)	P/A	—	—	L	x
районы, кварталы	P/A	—	x	x	x
сельхоз. деят-ть	P/A	—	x	x	x
наличие импортов	S	2	2	2	3
Общий балл признаков		4	17	27	35

Примечания:

Тип переменной: M (количественные данные); P/A (наличие/отсутствие).

S: шкала измерений (1: низкая, 2: умеренная, 3: высокая).

x: имеется (оценивается как 2).

L: вероятно имеется (оценивается как 1).

пишет (с. 47), что в одних случаях оседлость предшествовала доместикации растений (Ближний Восток), тогда как в других зерновые культуры были одомашнены ещё мобильными охотниками-собираателями (Мезоамерика). Касательно второго вопроса Смит снова обращается к таким хрестоматийным памятникам, как Чатал-Хююк и Триполье. Несмотря на то, что некоторые трипольские поселения состояли из сотен и даже тысяч строений и могли иметь численность населения в 7–8 тыс. жителей (плотность 40–50 чел./га), здесь нет никаких монументальных структур или зданий (большие конструкции, которые можно интерпретировать как «общественные дома» не в счёт), указывавших бы на городские функции, развитое социальное неравенство или политическую сложность (с. 54). Для подобных памятников Смит предлагает использовать компромиссные термины — *агрогорода* (*агрогородки*) и *мегапоселения* (стр. 52–54).

Многие археологи связывают город с происхождением государства. Это дань традиции, идущей от Г. Чайлда. Смит придерживается несколько иной точки зрения. По его мнению, процессы урбанизации начались раньше, чем возникли первые государства. Скученность способствовала появлению первых форм города, а формирование государства было скорее следствием интенсивной стеснённости. М. Смит следует в этом за такими археологами, как Э. Грэм, Д. Венгроу, Дж. Дженнингс, также отвергавшими жёсткую связь между городом и государством. Он использует для описания подобных явлений термин *предгосударственный урбанизм* (стр. 54–55). Данный тезис представляется очень важным, и особенно приятно, что схожие идеи были высказаны нами в книге, посвящённой средневековой урбанизации на Дальнем Востоке (Крадин 2018: 10–11).

Третья глава посвящена изучению размеров городов и численности населения. Рост численности по экспоненте увеличивает интенсивность скученности. Постепенно это приводит к трём следствиям: возрастает внутреннее напряжение, структурируется внутреннее пространство, идёт экономический рост (с. 59–60). Иными словами, города катализируют действия людей, создавая не только отрицательные, но и положительные последствия. В качестве примера позитивных результатов Смит приводит передовые для глубокой древности методы водоснабжения и организации сточных канав в Хараппе и Мохенджо-Даро.

При росте скученности происходит увеличение напряжения и раздражения, стрессов, которые предполагают необходимость структурной перестройки. Смит упоминает в этой связи так называемое *число Данбара* — 150 чел. Считается, что это максимальный предел для горизонтально организованных групп. Большее количество

индивидов предполагает разделение группы или введение организационной иерархии. Параллельно с увеличением стрессов и когнитивной перегрузки происходят иные процессы, обусловленные экономическим ростом и улучшением качества жизни в городах. Прослеживается корреляция, согласно которой бóльшие по рангу и численности города имеют и более высокие показатели уровня жизни на душу населения (с. 89).

В главе уделено много внимания обсуждению разных данных о численности населения городов и плотности населения постоянных и сезонных поселений разных типов от стоянок охотников-собирателей до крупных городов, а также разных временных мест обитания разных групп — религиозных, военных, фестивальных, мигрантских и др. Они показывают значительную вариативность в пространстве и во времени. Тем не менее что древние, что современные города вписываются в правило или закон Ципфа, согласно которому все города в любой стране соответствуют эмпирической шкале соотношения ранга города и численности его населения. Смит надеется, что получение большего числа оценок численности и плотности населения в городах разных обществ позволит получать более надёжные данные и углубит наше понимание древнего урбанизма.

Четвёртая глава посвящена изучению соотношения города, государства и власти. Как было уже отмечено, М. Смит полагает, что для существования городов государство не обязательно. Он цитирует книгу Дж. Дженнингса (Jennings 2016), в которой проанализированы шесть раннегородских обществ. При этом только в двух случаях это были ранние государства. Следовательно, город может возникнуть раньше государства. Однако для существования государства города необходимы. Там размещается администрация, учреждения власти и не связанные с сельским хозяйством группы (с. 100). Другой важный вопрос, который затронут в главе, — это значение столицы в ранних государствах. Смит подобрал большое количество примеров государств, в которых королевский двор перемещался по территории страны без привязки к столице (империя Карла Великого, англосаксонская Англия, киданьская династия Ляо, Монгольская империя, могольская Индия и др.). Другим примером может быть сохранение городов после крушения государств. В качестве примера Смит приводит археологические памятники Египета после распада Древнего царства в Первый переходный период (с. 103).

Центры вождеств также могли иметь городские функции. Их правители осуществляли редистрибутивные функции, контролировали ремесленное производство. Во многих резиденциях имелись храмы или что-то им подобное. Ярким, но редким примером может быть

Кахокия в долине Миссисипи, площадь которой была примерно полторы тысячи кв. км. Предполагается, что здесь могло проживать около 20 тыс. чел. (с. 104—105).

Типология доиндустриальных государств по М. Смигу (с. 107, рис. 4.2.) примерно соотносится с широко распространённым в антропологии делением на города-государства и территориальные государства. Отличие в том, что Смит несколько усложняет схему и вводит два параметра: размер политики (от малых до больших) и степень централизации власти (высокий и низкий). Следовательно, на оси с высоким уровнем централизации оказываются города-государства, а также территориальные государства и империи (здесь Смит дополнительно указывает, помимо территориальных государств, патримониальные государства, азиатский способ производства, империи прямого управления [direct-rule empires]). На оси с низким уровнем централизации (что важно [!] без деления на размер) расположены вождества и слабые (weak) государства, к которым он причисляет феодальные политики, сегментарные государства и театральные государства (theater states). Примерно в середине по степени централизации находятся империи с косвенным управлением (indirect-rule empires). В схеме не хватает места для гетерархических сообществ со слабой централизацией (каковыми были, например, многие полисы).

Далее в главе М. Смит рассматривает разные модели территориальных государств (феодальные, сегментарные, театральные, патримониальные), империи с прямым и косвенным управлением, города-государства и др. В конечном счёте он приходит к идее Р. Блэнтон и Л. Фаргера, проанализировавших 30 доиндустриальных государств и пришедших к выводу о существовании двух отличающихся моделей — *автократической* и *коллективистской* (Blanton, Farger 2008). К первой в их выборке отнесены несколько африканских государств, султанат Ачех (Северная Суматра), Англия XII в. при Ричарде II. Ко второй — Афинская республика, республиканский Рим, Минский Китай, Ацтекская держава. Промежуточное положение занимают города-государства йорубов и Османская империя.

Большинство автократических режимов сосредоточены главным образом на поступлении налогов извне (например, на торговлю или эксплуатацию иностранного населения), и у них нет стимулов беспокоиться о своих подданных. Коллективистские режимы, напротив, предоставляют некоторые блага и определённую степень самоконтроля. При этом автократические режимы меньше вмешиваются в жизнь своих подданных, поскольку те не являются основным источником доходов. Напротив, коллективистские режимы активно вмешиваются в жизнь людей, поскольку им необходимо подсчитывать

число налогоплательщиков и следить за своими доходами. Для этого подобные режимы используют бюрократические практики (с. 120).

В другой работе, написанной после издания книги, Р.Блэнтон и Л.Фаргер попытались рассмотреть, как их типология отражалась в городском планировании. Они пришли к выводу, что города в коллективистских режимах должны иметь большую плотность населения, более развитую дорожную систему и с большей степенью вероятности использовать ортогональную планировку (Blanton, Farger 2011). Смит корректирует их гипотезу. Он полагает, что в автократических режимах большие усилия должны были прилагаться для публичного возвеличивания правителей в форме дворцов, памятников и статуй. Поскольку автократические режимы мало зависят от налогов подданных, они не обеспокоены предоставлением услуг или обустройством территории проживания людей в городах. Напротив, в более коллективистских режимах власть активно вмешивалась в жизнь налогоплательщиков, и это влияние может быть прослежено в строительстве объектов гражданской архитектуры или в виде ортогонального планирования городских кварталов и домохозяйств (с. 120).

Во многих доиндустриальных государствах планировка городов отражала космологическую символику и была сознательно закодирована в дизайне городов, площадей и улиц, монументальных сооружений (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия и др.). Такие тайные религиозные идеи обычно были понятны только грамотной элите. Без корпуса соответствующих письменных текстов разгадать смысл послания древних строителей подчас непросто.

М. Смит выделяет два типа городов в доиндустриальных государствах — *политические* и *экономические*. В первых политика и власть доминируют над экономическими учреждениями. Отражением этого является преобладание в городской архитектуре дворцов и храмов. Во вторых доминируют производство и обмен товаров, отсутствует монументальная архитектура в больших масштабах (с. 132—133).

В пятой главе рассматривается экономическая составляющая городов — ремесло, рынки, внутренняя и внешняя торговля, а также внутригородская жизнь. М. Смит обсуждает городскую экономику с точки зрения формалистского и субстантивистского подходов в экономической антропологии и приходит к выводу, что в доиндустриальных обществах были отношения разных типов — горизонтальные реципрокные связи, иерархия, идущая от приказаний сверху, рыночный обмен (с. 140—142). Последовательно разбираются ремесленная жизнь в городах, внутренняя и внешняя торговля. В главе проанализированы разные категории археологических источников, которые могли бы дать представления о тех или иных сторонах экономики городов — импорте, магазинах и рынках, деньгах, стандартах весов

и мер, письменной системе учёта, иностранных купцах, кредитной и банковской системе и др. Таблица 5.3. (с. 149) даёт наглядный пример того, что увеличение числа разных признаков имеет количественный, кумулятивный характер по мере роста размера городов и усложнения государственного устройства.

В шестой главе Смит рассматривает несколько уровней взаимодействия от коммуникаций снизу («лицом к лицу») до высших уровней институтов — от домохозяйств к районам (neighborhood), далее к городским службам и общественным классам. Он исходит из того, что институты живут дольше, чем отдельные индивиды, и, следовательно, отражают традиции представителей разных поколений. Институты функционируют в соответствии с определёнными правилами и основаны на иерархии между старшими представителями институтов и остальными лицами, которые стремятся повысить свой статус (с. 175). Через разделение труда и специализацию, концентрацию масс и ресурсов в плотной среде совместного проживания создаётся динамическое взаимодействие, которое мы называем городской жизнью.

Как правило, население большинства доиндустриальных обществ было разделено на небольшую по численности элиту (не более 2—3%) и массы непосредственных производителей. Приводимые Смитом данные (табл. 6.1) показывают определённую вариативность в размерах между домами простых жителей, представителей элиты и дворцами королей и императоров (с. 181). Нередко отличия были выражены не только в размерах, но и в наличии платформ, более редких строительных материалов. Использование индекса (коэффициента) Джини позволяет проводить прямые сопоставления среди доиндустриальных городов, а также сравнивать их с индустриальными и современными городами. Однако главный результат всех подобных вычислений — значительная вариативность уровня неравенства в зависимости от разных факторов (с. 183).

Особое внимание Смит уделяет работе Дж. Шихи, который исследовал структуру 16 королевских/царских дворцов со всего света. Последний выделил пять разных категорий территорий, которые присутствуют во дворцах. Среди них: (1) жилые покои (100%), в том числе не только правителя и его семьи, а также представителей свиты, охраны, слуг; (2) ритуальные или церемониальные места; (3) административные пространства, включая залы заседаний, приёмные и др.; (4) рынки и/или мастерские, которые расположены рядом или внутри дворца; (5) другие места специального назначения. Во всех случаях были места для общественных собраний (например, дворцовая площадь). В некоторых присутствовали места погребения предшественников королей, а также образовательные

учреждения. Городские жители в той или иной степени были вовлечены в жизнь дворца, что делало его не только политическим центром города, но и оказывало важное влияние на городскую жизнь (с. 184—185).

Со времён М. Вебера сложилось мнение, что крепостные стены являются одним из обязательных критериев города. По логике это согласуется с китайскими традиционными представлениями о природе города и государства. Нередко стены имели исключительно символическое значение. Однако, как указывает Смит, во многих городах ощущается недостаток городской фортификации. Он ссылается в первую очередь на близкий ему пример цивилизаций Мезоамерики (с. 190). С неменьшим основанием сюда можно добавить города кочевых империй Внутренней (Центральной) Азии.

Седьмая глава посвящена изучению институтов самоорганизации и самоуправления. Смит цитирует здесь много представителей анархистской антропологии и обращается к их работам, поскольку именно здесь сконцентрировано значительное количество информации о подобных практиках в первобытных и архаических сообществах. Фокус исследования должен быть сосредоточен на отдельных домохозяйствах, поскольку их члены проживают вместе, и это в какой-то степени может быть отражено в археологических источниках (с. 204). Можно выделить несколько различных функций домохозяйств: производственная деятельность, распределение и потребление продуктов, сохранение ресурсов и материальных вещей, воспроизводство и социализация, совместное проживание. При изучении домохозяйств важно различать три разные группы находок: найденные в культурном слое вместе с землёй и камнями; мелкие потерянные объекты, возможно втоптаные в пол; предметы, оставленные или потерянные при покидании жилища (с. 205).

Места проживания могли быть организованы в доиндустриальных городах по-разному. Смит выделяет следующие варианты: (1) отдельный дом, возможно, с забором; (2) группа домов, сгруппированных вокруг общей зоны; (3) окружённый стеной комплекс из нескольких зданий, включая жильё и другие сооружения; (4) смежные здания, плотно стоящие рядом (Ур, античная и средневековая Европа); (5) многоквартирный дом (с. 205—207).

Особое значение для любого города имеет система утилизации отходов населения. Для археолога эта тема особенно важна. Участки отхожих мест дают возможность с помощью современных методов выявить заболевания и некоторые особенности питания. В мусорных ямах можно найти множество самых разнообразных артефактов и экофактов, отражающих многие стороны жизнедеятельности поселения.

М. Смит возвращается в этой главе к разделению на *экономические* и *политические* города и показывает, как это могло бы проявляться в конкретных ситуациях. Однако он честно указывает на недостаток систематических данных (с. 208). Ещё один важный момент, на котором акцентирует внимание М. Смит, — это сельскохозяйственный компонент в доиндустриальных городах. Вопреки устоявшемуся стереотипу о противоположности города и деревни, во все эпохи горожане занимались сельским хозяйством, в том числе и на территории города (с. 210).

Последняя глава книги посвящена осмыслению значения городов прошлого для современности, а также подведению итогов и обсуждению перспектив дальнейшего изучения городов древности. Выделяются три главных фактора, которые сформировали городскую жизнь: население, экономические процессы и политические структуры. Численность населения и его плотность стали важнейшей предпосылкой роста напряжённости и скученности, которая привела к созданию городского образа жизни (с. 236). На структуру города влияет тип экономики — административно-командная или коммерческая. Жизнь города регулируется двумя разнонаправленными энергетическими потоками. Сверху вниз — от центральных учреждений политической и экономической власти (дворца, ратуши, городской элиты). Снизу вверх — от домашних хозяйств до городских районов, различных коммерческих групп.

Смит отмечает целесообразность дополнительного археологического изучения различных общественно полезных сооружений — стадионов, театров, библиотек, школ, акведуков, а также их соотношения с коллективистскими и авторитарными режимами. Он также сетует на ограниченное число работ, посвящённых городской планировке и инфраструктуре публичных мест. Отмечена особая важность использования новых ГИС-технологий и лидарной съёмки.

В неменьшей степени изучение древних городов важно для понимания устойчивости современных городов. Археологами накоплены значительные данные на протяжении длительных отрезков времени. К сожалению, эти сведения погребены в многостраничных отчётах о раскопках и плохо синтезированы. Однако доиндустриальные города могут стать лабораториями для изучения тех или иных особенностей природы городских сообществ более поздних периодов и наших дней.

Кроме того, руины древних городов представляют собой важные достопримечательности для людей сегодня. Они могут быть значимыми местами для туризма, развития соответствующих сфер деятельности и представлять солидный источник монетизации научного и культурного наследия прошлого (с. 249).

ЛИТЕРАТУРА

- Крадин Н.Н. 2018 (ред.). *Города средневековых империй Дальнего Востока*. М.: Изд-во Восточной литературы.
- Blanton R., Fargher L. 2008. *Collective Action in the Formation of Pre-Modern States*. New York: Springer.
- Blanton R., Fargher L. 2011. The Collective Logic of Pre-Modern Cities. *World Archaeology* 43 (3), 505–522.
- Cowgill G. 2004. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Approaches. *Annual Review of Anthropology* 33, 525–549.
- Glaeser E. 2011. *The Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. New York: Penguin.
- Graeber D., Wengrow D. 2021. *The Dawn of Everything: A New History of Humanity*. London: Penguin/Allen Lane.
- Jennings J. 2016. *Killing Civilization: A Reassessment of Early Urbanism and Its Consequences*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Smith M.E. 2016. How Can Archaeologists Identify Early Cities: Definitions, Types, and Attributes. *Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change*. Ed. by M. Fernández-Götz & D. Krausse. Cambridge: Cambridge University Press, 153–168.
- Smith M. 2022. Early Cities in The Dawn of Everything: Shoddy Scholarship in Support of Pedestrian Conclusions. *Cliodynamics* 14 (2), 1–13.
- Wengrow D. 2015. *Cities Before the State in Early Eurasia (the Jack Goody Lecture)*. Halle: Max Planck Institute for Social Anthropology.
- Wirth L. 1938. Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology* 44, 1–24.

REFERENCES

- Kradin N.N. 2018 (ed.). *Goroda srednevekovykh imperiy Dal'nego Vostoka* [Towns of Mediaeval Empires of the Far East]. Moscow: Izd-vo Vostochnoy literatury.
- Blanton R., Fargher L. 2008. *Collective Action in the Formation of Pre-Modern States*. New York: Springer.
- Blanton R., Fargher L. 2011. The Collective Logic of Pre-Modern Cities. *World Archaeology* 43 (3), 505–522.
- Cowgill G. 2004. Origins and Development of Urbanism: Archaeological Approaches. *Annual Review of Anthropology* 33, 525–549.
- Glaeser E. 2011. *The Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier*. New York: Penguin.
- Graeber D., Wengrow D. 2021. *The Dawn of Everything: A New History of Humanity*. London: Penguin/Allen Lane.
- Jennings J. 2016. *Killing Civilization: A Reassessment of Early Urbanism and Its Consequences*. Albuquerque: University of New Mexico Press.
- Smith M.E. 2016. How Can Archaeologists Identify Early Cities: Definitions, Types, and Attributes. *Eurasia at the Dawn of History: Urbanization and Social Change*. Ed. by M. Fernández-Götz & D. Krausse. Cambridge: Cambridge University Press, 153–168.
- Smith M. 2022. Early Cities in The Dawn of Everything: Shoddy Scholarship in Support of Pedestrian Conclusions. *Cliodynamics* 14 (2), 1–13.
- Wengrow D. 2015. *Cities Before the State in Early Eurasia (the Jack Goody Lecture)*. Halle: Max Planck Institute for Social Anthropology.
- Wirth L. 1938. Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology* 44, 1–24.